

Вальпургиева Ночь, или Гетеротопия советского сумасшедшего дома

Лаура Пикколо

Университет Рома Тре
Рим, Италия

... падает Россия,
словно в зеркала.
Н. Горбаневская

I. Утопия vs. Гетеротопия в советскую эпоху

Значение слова «утопия», как известно, двойственно: оно было создано Томасом Мором для обозначения идеального острова в произведении *De optimo republicae statu sive nova insula Utopia* (1516) – места, которого нет (от греч. *οὐ* ‘не’, *τόπος* ‘место’); в то же время, в английском языке оно является омофоном слова «эвтопия» (“eutopia”: *εὖ* ‘хорошо’, *τόπος* ‘место’) – благословенное место, место счастья. В словаре Французской Академии 1795 г. указано, что слово «утопия употребляется как обозначение проекта вымышленной системы правления, в которой все предусмотрено для общего счастья» (Dictionnaire 1798: 710).

В конце 1930-х гг., после революционной эйфории и создания «хронотопа экспериментальности» (Piretto 2001: 3–28) для построения нового быта *homo sovieticus* (календарь, город, дом и т. д.¹), после первого «торможения» во время НЭПа, сущность советской утопии радикально изменилась: «вымышленная система», образ «места, которого нет» и «благословенного места» представлялись «неизбежными» и реализованными *здесь и сейчас*².

---

¹ Революция наследует утопии прошлого, порождает новые и, «особенно, влияет на способы создания и распространения социальных мечтаний, а иногда даже их навязывания» (Baczko 1979: XI). Об утопическом и антиутопическом представлении «дома» в советское время ср.: Piccolo 2012: 187–200.

² О русской революционной утопии, см., напр.: Stites 2001: 13–36.

Советская утопия являлась проектом будущего общества, определяющим настоящее: она проникла в ткань господствующей идеологии, направляющей надежды и коллективную энергию. Если, по словам Б. Бачко, «утопист часто является фантазером в этимологическом смысле слова – он видит Новый Город» (Vaszko 1979: 4), то опасность назревает тогда, когда целое государство видит этот «Новый Город» и требует, чтобы граждане видели то же самое и участвовали в том же самом утопическом построении.

Рассматривая советское общество, можно сказать, что построение счастливого государства, в зависимости от исторических периодов, сопровождается диалогом (или не-диалогом) утопии с разными гетеротопиями. Гетеротопия возникает именно как «антагонист» утопии или, точнее, «контрместоположение», находящееся вне всякого места, хотя гетеротопии являются реальными «и фактически локализуемыми» (Фуко 2006: 196). Такие гетеротопии, как тюрьма, лагерь, сумасшедший дом (то есть «девиантные» гетеротопии³), место ссылки и, в некоторой степени, колхозы и совхозы, являются функциональными для создания и сохранения утопического дискурса. В первую очередь, девиантные гетеротопии используются для того, чтобы «очистить» пространство или, точнее, не-пространство утопии и создать идеал общества, освобожденного от врагов народа (диссидентов, безумных, инакомыслящих, тунеядцев и т. д.⁴).

II. Советский сумасшедший дом

Сочетание понятий гетеротопии и безумия весьма плодотворно: гетеротопическими являются невидимые «места» тела, откуда возникают галлюцинации (ср. Ghidoni 2011: 7–19); свойством гетеротопичности обладает и психиатрическая больница – уединенное закрытое место, часто на окраине города (Фуко 2006: 198; 202). Гетеротопической сущности безумия на Западе помог укрепиться образ Корабля дураков (*Stultifera navis*). Корабль, «гетеротопия по преимуществу» (там же: 205), превратился в пространство безумия не только в художественном мире Бранта или Босха, но и в социальной реальности, о чем свидетельствует распространившийся в Германии уже в XIV в. обычай отправлять умалишенных на корабли дураков, чтобы «очистить» городское пространство от безумцев (Фуко 1997: 29–30).

С исторической точки зрения, в Европе гетеротопия безумия заменила гетеротопию проказы, и это связано не только с образом больного (прокаженного или сумасшедшего), изолированного от общества, но и с тем, что в процессе регрессии проказы среди европейского населения лепрозории постепенно пустели. Некоторое время в бывших лепрозориях лечили венерических больных, а затем на смену

³ «Гетеротопии, куда мы помещаем индивидов, чье поведение является девиантным по отношению к среднему или к требуемой норме» (Фуко 2006: 198).

⁴ Гетеротопии «выполняют некую функцию по отношению к остальному пространству» (Фуко 2006: 203).

проказе пришло безумие, и здания лепрозориев были отведены для душевнобольных. С XVIII в. корабль дураков, как отмечает Фуко, перестал быть «пределом», «абсолютным и ускользящим, как линия горизонта», «отныне он прочно стал на якорь среди людей и вещей. Надежно и навечно. Из лодки он превратился в больницу» (Фуко 1997: 59–60).

Гетеротопии расширяются, исчерпываются, изменяются. В советское время психиатрическая больница приобретала функцию и некоторые черты других гетеротопий, таких как тюрьма или лагерь. Можно утверждать, что в России психиатрические больницы появились позже, чем в других европейских странах⁵. Но эта задержка сполна «компенсировалась» в советскую эпоху, когда психиатрическая больница стала одним из ключевых мест террора. В 30-е гг., например, Институт им. Сербского «предал» взгляды профессора, в честь которого был назван, и стал одним из действенных механизмов репрессивного режима⁶. Одновременно в психиатрии происходил переход к догматическому представлению о безумии, которое достигло кульминации после прямого вмешательства в психиатрию «великого учителя»⁷ Сталина и последовательного превращения психиатрии в «более идеологически обработанную» отрасль советской науки (Korolenko, Kensin 2002: 59). В 1950 г. к Павловским теориям⁸ добавилось влияние теорий радикальных психологов, рассматривавших, как известно, психиатрию как средство поддержания социального порядка (Szasz 1961).

Вслед за отказом от прежней психиатрической школы и обвинениями, выдвинутыми против отдельных психиатров⁹, начала утверждаться новая дисциплина, которой необходимо было придерживаться при установлении диагноза. Кроме того, согласно новому представлению о психиатрии, надо было обновить учебные курсы¹⁰ и учебники (Кербиков 1952: 8–9): ряд терминов был запрещен, на смену им пришли новые. С одной стороны, некоторые психиатры старались сохранить такие понятия, как «память», «ощущение», «восприятие», наполняя их «материалистической сущ-

⁵ Об истории сумасшедших домов в России, см., напр.: Баженов 1909; Каннабих 1994.

⁶ В. П. Сербский (1858–1917) – основатель судебной психиатрии в России. Институт его имени был создан в 1921 г. Во второй половине 30-х гг. Институт стал одним из наиболее эффективных инструментов НКВД. Институту принадлежала тайная лаборатория, закрытая после смерти Сталина. Во время работы психиатрической спецкомиссии 1956 г. Институт и его деятельность, несмотря на цензуру, подверглись обличению: «Институт гипертрофировал свое значение и поставил себя в положение наивысшего органа СПЭ, превратившись в <...> наивысшего судебно-психиатрического арбитра» (Об институте судебной психиатрии им. проф. Сербского, цит. по: Прокопенко 1997: 76).

⁷ «Великий учитель человечества Иосиф Виссарионович Сталин дал гениальное определение подлинной науки, призванной служить целям непрерывного прогресса человеческого общества» (Банщиков 1953: 495).

⁸ См.: Павловская сессия 1988: 129–141; Windholz 1999: 331 и др.

⁹ Напр., дела психиатров М. О. Гуревича, В. А. Гиляровского и А. С. Шмарьяна, обвиненных в антимарксистских тенденциях в области психиатрии. Они публично отреклись от своих взглядов и приняли Павловскую теорию.

¹⁰ Помимо «самокритики», психиатры были обязаны участвовать в «семинарах», посвященных Павловскому учению. См.: Андреев 1952: 52–56.

ностью» (Случевский 1952: 4); с другой, рождались новые слова и словосочетания: такие как «философская интоксикация» (Korolenko, Kensin 2002: 56) или «вялотекущая шизофрения» (Снежевский 1969), которые использовались очень широко¹¹.

При таких предпосылках легко понять, какое отношение диагноз или, точнее, «гипердиагноз шизофрении» (Korolenko, Kensin 2002: 60) мог иметь ко всем тем формам поведения, которые отклонялись от советской нормы (Bloch, Reddaway 1977: 43). Само понятие безумия, с присущей ему неопределенностью, стало в некоторой степени 'гиперонимом' нестандартности, включающим проявления, далекие от психической болезни: музыкальные вкусы, манера одеваться, исповедание веры. Ярлык «безумный» стал синонимом эпитетов «враг народа», «тунеядец», «инакомыслящий»¹².

Гетеротопия психиатрической больницы приобретает еще большее разнообразие из-за расширения понятия шизофрении¹³. Стоит отметить, что при Сталине психиатрическая больница представляла собой некую «лазейку» для судеб тех людей, жизнь которых могла закончиться куда более трагически. Об этом парадоксе говорил, например, А. С. Есенин-Вольпин в своем докладе Комитету прав человека:

Психиатрическая госпитализация невиновных арестованных – не во всех случаях зло. Еще лучше сказать, что она – всегда зло, но не всегда худшее, чем то, которое наступило бы без нее <...>. Во всяком случае, во времена широких сталинских репрессий многие бывали спасены психиатрическими больницами (Есенин-Вольпин 1972: 35).

Использование психиатрии в политических целях получило дальнейшее развитие в хрущевскую эпоху и достигло автоматизма при Брежневе. Статья 58 в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. предписывала заключение лиц, «совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости», в психиатрические лечебницы общего или специального типа, а инструкция Минздрава, выпущенная в 1961 г., в этих случаях предусматривала неотложную госпитализацию и внесудебное лишение свободы без согласия больного и родственников, а лишь на основании экспертизы комиссии из трех врачей (Карательная психиатрия 2004: 43–52).

Советское общество должно было выглядеть безупречным, места психологическому дискомфорту в нем не было. Возникает парадокс: с одной стороны, особенно со второй половины 1960-х гг., все могли быть сочтены шизофрениками; с другой

¹¹ «Практически каждому поведению, которое не соответствовало принятой социальной модели, можно было придать психопатологическое значение <...>. Клиническое описание “вялотекущей шизофрении” <...> было чрезвычайно уклончивым. Оно включало в себя всевозможные изменения в психическом состоянии: <...> эйфорию, гиперактивность, оптимизм <...>, возбудимость, взрывчатость, сенситивность, чувство неполноценности и эмоциональный дефицит, истерические реакции, <...> завышенную или заниженную самооценку и упрямство» (Korolenko, Kensin 2002: 59).

¹² «Диссидент – это лишь выражение патологических процессов в психике» (Bukovsky 1977: 14).

¹³ «Каждая гетеротопия отчетливо и определенно функционирует в рамках общества, и одна и та же гетеротопия – согласно синхронии культуры, где она располагается, – может функционировать так или иначе» (Фуко 2006: 198).

стороны, в диагнозах нельзя было ставить под сомнение социальный контекст. Поэтому данные о психических заболеваниях, алкоголизме и других зависимостях нередко искажались и замалчивались. Алкоголизм характеризовался как «остаток капитализма в социалистической ментальности» (Korolenko, Kensin 2002: 55), и, хотя существовали исследования, описывавшие алкоголизм как заболевание (Жислин 1935), само это слово было малоупотребительным. Алкогольный абстинентный синдром часто классифицировался просто как постанкольная интоксикация (Korolenko, Kensin 2002: 60).

III. Вальпургиева ночь

Алкоголь является ключевым элементом одного из самых знаковых произведений о советском сумасшедшем доме – трагедии *Вальпургиева ночь, или Шаги командора*, написанной Вен. Ерофеевым в 1985 г., когда он оказался на Канатчиковой даче вследствие именно алкогольной интоксикации (Летопись 2005: 88–89).

Как объяснял сам Ерофеев, пьеса была задумана как центральная часть триптиха «Драй Нэхте» (Три ночи), включавшего помимо *Вальпургиевой ночи* недописанные *Ночь на Ивана Купала* и *Ночь перед Рождеством*, то есть посвященного трем разным моментам христианского и языческого календаря (Ерофеев 2001: 267, ср. Ručlová 2001: 48–49). Заглавие пьесы отсылает к стихотворению Александра Блока «Шаги Командора» и затрагивает тему Дона Жуана¹⁴. Героем трагедии является поэт-алкоголик Лев Гуревич, оказавшийся в психбольнице в результате попойки в канун Первого мая (то есть в Вальпургиеву ночь). Здесь он умрет в ту же самую ночь вместе с остальными пациентами своей палаты от отравления алкоголем и лекарствами во время «шабаша», проходящего одновременно с празднованием Первого мая.

Обычай изолировать тех, кто мог бы препятствовать важным государственным праздникам (бомжей, алкоголиков, да и просто подозрительных лиц), был довольно распространен в советскую эпоху (Bloch, Reddaway 1977: 262–263): чтобы «очистить», хотя и временно, пространство утопии, прибегали к гетеротопии психбольницы.

При отправке Гуревича в психбольницу у него не оказывается при себе паспорта. Отсутствие документов сразу же расценивается как нежелание вписаться в советскую систему¹⁵. И советское пространство, обращенное к утопии, и пространство сумасшедшего дома являются закрытыми: первое имеет закрытые границы и способы контроля над передвижением граждан (прописка и т. д.); у второго есть решетки, стены и четко установленные пределы. Иногда некоторые черты и иерархия советского общества передаются сумасшедшему дому, как, например, во втором акте пьесы, где палата организована как суд.

¹⁴ О донжуанском подтексте пьесы см.: Виггу 2005: 62–76. О связи пьесы с романом Кена Кизи *Пролетая над гнездом кукушки* и особенно с его экранизацией см.: Brintlinger 2007: 5, 17, прим. 10.

¹⁵ «Если что не нравится – так это запрет на скитальчество. И... неуважение к Слову. А во всем остальном...» (Ерофеев 2001: 273).

Кроме того, существует еще третье (не-)пространство – (не-)пространство небытия: с одной стороны, это пространство грез, химер, созданное алкоголем, позволяющим Гуревичу обойти удушливые рубежи страны и сумасшедшего дома; с другой стороны, это не-пространство и не-время смерти, достигнутое Гуревичем и другими обитателями палаты в конце трагедии. Алкогольное состояние, на самом деле, создает некую гетерохронию в отношении как утопии советского времени, так и гетеротопии советского сумасшедшего дома: «А почему у меня часы идут в обратную сторону? А он всмотрелся в меня, в часы, а потом говорит: “Да по тебе и незаметно, да и выпили, вроде, немного... но только и у меня пошли в обратную”» (Ерофеев 2001: 272)¹⁶.

Почти через тридцать лет Гуревич совершает ту же самую попытку побега от советской утопии, что и Веничка, пьяный герой ерофеевской «поэмы» *Москва – Петушки* (1969)¹⁷. Алкоголь дает Веничке возможность уйти от действительности, поменять полюсы добра и зла, нормы и антинормы и посмотреть на реальность в новом ракурсе, хотя и со стороны. Закрытость советского мира оставляет возможность только одного пути – внутрь себя: с помощью алкоголя ерофеевский герой прячется в своих внутренних безднах («Я, похмеляясь утром, прячусь от неба и земли, потому что это интимнее всякой интимности!...» [Ерофеев 2002: 28]). Поиск пространства, противопоставленного утопии, Веничка предпринимает уже в начале произведения:

Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля (Ерофеев 2002: 17).

Веничка объявляет о своем неучастии в советском пространстве, в социальных и трудовых подвигах, в трепещущем ожидании «светлого будущего»¹⁸: «Опять со своей прошлой пятницей! Я вижу, Веня, ты весь в прошлом. Я вижу, ты совсем не хочешь думать о будущем!...» (Ерофеев 2001: 99). Веничка хочет быть просто человеком:

О, если бы весь мир, если бы каждый в мире был бы, как я сейчас, тих и боязлив, и был бы так же ни в чем не уверен: ни в себе, ни в серьезности своего места под небом – как хорошо бы! Никаких энтузиастов, никаких подвигов, никакой одержимости! – всеобщее малодушие. Я согласился бы жить на земле целую вечность, если бы прежде

---

¹⁶ «Венедикт Ерофеев – великий исследователь метафизики пьянства. Алкоголь для него – концентрат инобытия. Опьянение – способ вырваться на свободу, стать – буквально – не от мира сего» (Генис 2003: 63).

¹⁷ По иронии судьбы поэма *Москва – Петушки* была напечатана в Советском Союзе (хотя с купюрами) только в 1988–1989 гг. в журнале *Трезвость и культура* в рамках антиалкогольной кампании Горбачева.

¹⁸ «Он часто говорил не только о простительности, но о нормальности и даже похвальности малодушия, о том, что человек не должен быть испытан крайними испытаниями. Был ли это бунт против коммунистического стоицизма, против мужества и “безумства храбрых”, за которое пришлось расплатиться не только храбрым и безумным, но миллионам разумных и нехрабрых?» (Седакова 1991: 101). См. также: Эпштейн 2000: 270.

мне показали уголок, где не всегда есть место подвигам. «Всеобщее малодушие» – да ведь это спасение от всех бед, это панацея, это предикат величайшего совершенства! (Ерофеев 2002: 22).

Более того (сильнее это выражено в *Вальпургиевой ночи*), пьянство помогает найти разум, уже потерянный в настоящем мире, и алкоголь становится средством «математической» оценки неразумности мира:

Давайте лучше займитесь икотой, то есть исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте <...>. Нет ничего кроме этого! Нет ничего такого, что могло бы! Я не дурак, я понимаю, есть еще на свете психиатрия, есть внегалактическая астрономия, все это так! (Ерофеев 2002: 51–52).

Алкоголь снимает завесу с закрытого и убогого пространства палаты, порождая новое временное измерение путешествия и химеры, открытие нового света, момент перехода, *καιρός*: «Они открывают миру все, мы только успеваем прикрывать. Что говорить о Старом Свете? <...> Из какого племени явился Христофор Колумбо...» (Ерофеев 2001: 317).

Но попыткам побега – ни Веничкиным, ни Гуревича – не суждено увенчаться успехом: обреченного на молчание и смерть Веничку электричка неумолимо везет не в Петушки, а в Москву¹⁹. К смерти тяготеет и Гуревич. Его побег в небытие расценивается как признак безумия и является главной, но не единственной причиной заключения в сумасшедший дом²⁰.

Внутри психиатрической больницы поэтический путь Гуревича начинается в первом же акте, когда во время его допроса будущий пациент читает стихи перед врачами-судьями. Декламация стихов обнаруживает настоящий синдром Гуревича, и его выздоровление должно вновь вернуть ему «человеческий язык», то есть речь без стихов:

ДОКТОР. Вы не на сцене, а в приемном покое... Можно ведь говорить и людским языком, без этих...

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА (подсказывает). Шекспировских ямбов... <...>

ДОКТОР <...>. Об этих... ямбах мы, кажется, уже давно договорились с вами, больной. Я достаточно опытный человек, я вам обещаю: все это с вас сойдет после первой же недели наших процедур. <...> А недели через две вы будете говорить человеческим языком нормальные вещи. Вы – немножко поэт?

ГУРЕВИЧ. А у вас от этого лечат? (Ерофеев 2001: 276–278).

¹⁹ «И если я когда-нибудь умру – а я очень скоро умру, я знаю, – умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издали, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв, – умру, и Он меня спросит: “Хорошо ли было тебе там? Плохо ли тебе было?” – я буду молчать <...> и эта немота знакома всем, кто знает исход многодневного и тяжелого похмелья. Ибо жизнь человеческая не есть ли минутное окосение души? И затмение души тоже. Мы все как бы пьяны, только каждый по-своему <...> я трезвее всех в этом мире; на меня просто туго действует...» (Ерофеев 2002: 113).

²⁰ «Как только моя Отчизна окажется на грани катастрофы, когда она скажет: “Лева! Брось пить, вставай и выходи из небытия” – тогда...» (Ерофеев 2001: 274).

В ерофеевской пьесе показан другой аспект психиатрического освидетельствования той эпохи – наличие театральности в основе поведения советского народа. Повседневная жизнь была как бы разделена на две «шизофренические» части, и поведение большинства граждан в публичной сфере оказывалось довольно далеким от поведения в частной обстановке (см. Смирнов 2000: 18). Тот, кому не удавалось хорошо «играть» публичную роль, становился объектом преследований разного рода (обысков, допросов и т. д.). Сообщая Гуревичу, по какой причине ему суждено пробыть в лечебнице шесть месяцев, врач намекает именно на такое притворство, к которому советские граждане прибегали в своей повседневной жизни. Театрализация такого рода властям была известна, поэтому из предосторожности к категории сумасшедших причисляли и тех, кто на самом деле не совершал ничего дурного против советской власти, чем, собственно, и вызывал особое «опасение»:

Сказать вам по секрету, мы с недавнего времени приступили к госпитализации даже тех, у кого на первый взгляд – нет в наличии ни единого симптома психического расстройства. Но ведь мы не должны забывать о способностях этих больных к произвольной или хорошо обдуманной диссимуляции. Эти люди, как правило, до конца своей жизни не совершают ни одного преступного деяния, ни даже малейшего намека на нервную неуравновешенность. Но вот именно этим-то они опасны и должны подлежать лечению (Ерофеев 2001: 277–278)²¹.

Врач знакомит Гуревича с правилами сумасшедшего дома и подтверждает: «Вот-вот, без ямбов, у нас и без того много мороки...» (Ерофеев 2001: 276). Подчеркнутое врачом «у нас», кажется, выходит за стены больницы и распространяется на весь Советский Союз, где запрещены «ямбы» неофициальных поэтов наравне со многими другими «беспокойствами».

Во многих произведениях гетеротопическое пространство советского сумасшедшего дома представлено не только как место лечения от психической болезни, но и как место заключения тех, кто мог стать препятствием для осуществления утопического социалистического проекта, в том числе нерусских, как, например, эстонец Коля (см. Bloch, Reddaway 1977: 264–266).

Конфликт между кодексом советской «нормы» и «больным» Гуревичем неотвратим. Для такого поэта, как он, там, где запрещено читать стихи, нет места, как нет и времени: гетерохроническое измерение гетеротопии приводит Гуревича и других больных к бегству из прозаичного больничного мира и к деконструкции советской утопии в их «безумных» разговорах.

²¹ Эта тема затрагивается уже в повести *Палата № 7* В. Тарсиса, опубликованной в 1965 г.: «Было общепризнанно, – руководителями, врачами, идеологами, писателями, – что если человеку не мил социалистический рай, он – сумасшедший и его надо лечить»; здесь три категории «больных»: самоубийцы («только психопат может покушаться на свою жизнь»), «американцы» (те, кто пытались наладить отношения с иностранцами и подавали заявление на иммиграцию) и третья группа, в которую зачислялись такие, как Гуревич, «состояла из молодых людей, которые не могли найти себе определенного места в нашей жизни, отвергали все стандарты, сами не зная иногда, чего хотят, но зато твердо знали, чего не *хотят*» (Тарсис 1966: 24–25).

В самом деле, течение времени в гетеротопиях следует законам, отличным от законов реальности. Время сумасшедшего дома как будто отделено от течения времени на улице²². Единственная единица измерения времени внутри палаты – прием лекарств и реакция на них:

Так вот, слушай меня, <...> Гуревич. А так – у нас жить можно. Недели две-три тебя поколют, потом таблетки, потом пинка под жопу – и катись. У нас цветной телевизор есть. Кенар с канарейкой. Они только сегодня помалкивают – поскольку завтра Первомай (Ерофеев 2001: 290).

Только медицинский персонал имеет часы и в определенном смысле олицетворяет время. А у больных – наоборот, «на всех физиономиях <...> лежит печать вечно-сти – но вовсе не той Вечности, которой мы все ожидаем» (там же: 297).

Оппозиции, характеризующие структуру и организацию сумасшедшего дома (мы/они; врач/больной; нормальность/безумие и т. д.), со всей очевидностью выступают во время раздельного и параллельного празднования Вальпургиевой ночи и Первого мая: «Мы отмечаем сегодня вальпургиево празднество силы, красоты, грации! А Первомай пусть отмечают нормальные люди, то есть не нормальные люди, а *нас* обслуживающий персонал» (Ерофеев 2001: 328).

Отстраняясь от грубого празднества медперсонала, больные устраивают некую маевку и возвращают празднику его религиозный смысл, беря на себя роль пророков идеального града поэзии. Сознывая близость конца, Гуревич идет навстречу смерти, как мученик, заслуживший собственное житие: «У них – жисть-жистянка, а у нас житие!» (Ерофеев 2001: 331).

Конфликт кодексов «советской нормы» и «больного Гуревича» заходит в тупик. В месте, где запрещены «ямбы», назревает трагедия:

И я сегодня... *да почти сейчас...*
 Не опускаться – падать начинаю.
 Я нынче ночью разорву в клочки
 Трагедию, где под запретом ямбы.
 Короче, я взрываю этот *дом!*
 (Ерофеев 2001: 307)

Гуревич и другие пациенты предчувствуют конец своей жизни и конец эпохи²³. Его палате суждено кануть в небытие, хотя умирать в психбольнице, по мнению Гуревича, «противонатурально» (Ерофеев 2001: 341).

Вальпургиева ночь была написана Ерофеевым, когда он сам оказался в психиатрической больнице, и до 1989 г. автору отказывали в постановке трагедии. Однажды

²² «НАТАЛИ: Ты сколько лет здесь не был, охламон? // ГУРЕВИЧ: Ты знаешь ведь, как измеряют время и я, и мне чумоподобные...» (Ерофеев 2001: 300).

²³ «Приятно все-таки жить в эпоху всеобщего распада» (Ерофеев 2001: 292); «Итак. Кончились беззвездные часы человечества!» (Ерофеев 2001: 317). Об апокалипсическом мотиве см.: Рычлова 1999: 133–141.

писателю предложили поставить пьесу при условии, что Ерофеев поменяет имя героя и устранил все аллюзии и эпизоды, связанные с еврейской темой.

Премьера состоялась в Московском драматическом театре на Малой Бронной 23 марта 1989 г. (Летопись 2005: 125). В тот же самый год спектакль вышел на сценах других театров. Стоит отметить постановку спектакля в московском Театре на Юго-Западе (первый прогон состоялся 22 июня 1989 г.): каждый год и только 30-го апреля (за исключением сезонов, когда эта дата совпадает с гастролями) именно на этой сцене идет пьеса Ерофеева²⁴.

* * *

Как видим, построение советской утопии сопровождалось усилением активности ряда гетеротопий. Между пространствами утопии и гетеротопии (в том числе гетеротопии «девиантной»²⁵) возникает (не-)диалог. Благодаря таким гетеротопиям пространство утопии «очищается» от «врагов народа». Одно из значимых гетеротопических пространств/мест – сумасшедший дом: внутренне присущая ему гетеротипичность (Фуко 2006: 198) дополняется чертами безумия как такового – понятия, претерпевшего за века своего бытования различные семантическое метаморфозы, а в советское время превратившегося в одно из орудий утопического строительства.

Диалог – и/или не-диалог – между советской утопией и гетеротопией часто находит отражение и в литературе. Характерный пример – трагедия *Вальпургиева ночь* Ерофеева, где гетеротопическая сущность сумасшедшего дома активизируется, с одной стороны, в диалоге с официальным утопическим дискурсом, а с другой стороны – с иным гетеротопическим пространством – театром.

Гетеротопия сумасшедшего дома имеет место в единственную ночь года в гетеротопическом пространстве театральной сцены, способном сочетать в одном месте разные пространства, «которые сами по себе несовместимы» (Фуко 2006: 200), и гетерохронию Вальпургиевой Ночи, время праздника. И это циклическое представление – один из тех моментов, когда «люди оказываются в своего рода абсолютном разрыве с их традиционным временем» (там же).

---

²⁴ См. Московский Театр на Юго-Западе. Режим доступа: <http://www.teatr-uz.ru/spekt/index.php?spekt=noch> [см. 20 12 2013].

²⁵ «Гетеротопии, куда мы помещаем индивидов, чье поведение является девиантным по отношению к среднему или к требуемой норме» (Фуко 2006: 198).

ЛИТЕРАТУРА

- АНДРЕЕВ, А. Л., 1952. Перестройка лечебной работы больницы имени П. П. Кащенко в свете изучения И. П. Павлова. *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 7, 52–56.
- БАЖЕНОВ, Н. Н., 1909. *История Московского Доллгауза, ныне Московской городской Преображенской больницы для душевнобольных*. Москва: Изд. Московского городского Общественного Управления.
- БАНЩИКОВ, В. М., 1953. Физиологическое направление в отечественной психиатрии. *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 7, 495–513.
- ГЕНИС, А., 2003. Благая весть. Венедикт Ерофеев. *Ил: ГЕНИС, А. Сочинения в 3 т. Т. 2. Расследования*. Екатеринбург: У-Фактория, 58–66.
- ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН, А. С., 1972. Мнение эксперта комитета прав человека А. С. Вольпина по докладу Р. А. Медведева «О принудительных психиатрических госпитализациях по политическим мотивам (фрагменты)». *Ил: Документы комитета прав человека / Proceedings of the Moscow Human Rights Committee, November 1971–December 1971*. New York: The International League for the Rights of Men, 134–179.
- ЕРОФЕЕВ, Вен., 2001. Вальпургиева ночь, или Шаги командора. *Ил: ЕРОФЕЕВ, Вен. Записки психопата*. Москва: Вагриус, 265–344.
- ЕРОФЕЕВ, Вен., 2002. *Москва – Петушки*. Москва: Вагриус.
- ЖИСЛИН, С. Г., 1935. *Об алкогольных расстройствах: клинические исследования*. Воронеж: Коммуна.
- КАННАБИХ, Ю. В., 1994. *История психиатрии*. Москва: Центр творч. развития МГП ВОС.
- Карательная психиатрия, 2004. *Карательная психиатрия в России*. Москва: Международная Хельсинская Федерация.
- КЕРБИКОВ, О. В., 1952. О некоторых спорных вопросах в психиатрии. *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 5, 8–25.
- Летопись, 2005. *Летопись жизни и творчества Венедикта Ерофеева (1938–1990)*. Сост. В. Э. Верлин. *Живая Артика*, 1, 4–147.
- Павловская сессия, 1988. Павловская сессия 1950 г. и судьбы советской физиологии. Круглый стол. *Вопросы истории естествознания и техники*, 3, 129–141.
- ПРОКОПЕНКО, А. С., 1997. *Безумная психиатрия. Секретные материалы о применении в СССР психиатрии в карательных целях*. Москва: Совершенно секретно.
- РЫЧЛОВА, И., 1999. Интенция к «апокалипсическому» реализму и ее проявление в «внутренней форме» драматургической системы Венедикта Ерофеева. *Rossica Olomucensia*, vol. 38, 133–141.
- СЕДАКОВА, О., 1991. Воспоминания. *Ил: Несколько монологов о Венедикте Ерофееве. Театр*, 9, 98–102.
- СЛУЧЕВСКИЙ, И. Ф., 1952. О некоторых актуальных вопросах психиатрии. *Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова*, 8, 3–16.
- СМИРНОВ, И., 2000. Соцреализм: антропологическое измерение. *Ил: ГЮНТЕР, Х., ДОБРЕНКО, Е., ред. Соцреалистический канон. Сб. статей*. Санкт-Петербург: Академический проект, 10–18.

- СНЕЖЕВСКИЙ, А. В., ред., 1969. *Шизофрения. Клиника и патогенез*. Москва: Медицина.
- ТАРСИС, В., 1966. *Палата № 7*. Франкфурт-на-Майне: Посев.
- ФУКО, М., 1997. *История безумия в классическую эпоху*. Санкт-Петербург: Рудомино.
- ФУКО, М., 2006. Другие пространства. In: ФУКО, М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Ч. 3. Пер. с франц. Б. М. Скуратова; Под общ. ред. В. П. Большакова. Москва: Праксис, 191–204.
- ЭПШТЕЙН, М., 2000. *Постмодерн в России: литература и теория*. Москва: ЛИА Р. Элинина.
- VACZKO, V., 1979. *L'utopia. Immaginazione sociale e rappresentazioni utopiche nell'età dell'illuminismo*. Torino: Einaudi.
- BLOCH, S., REDDAWAY, P., 1977. *Psychiatric Terror. How Soviet Psychiatry is Used to Suppress Dissent*. New York: Basic Books, Inc., Publishers.
- BRINTLIGER, A., 2007. Approaching Russian Madness. In: BRITLINGER, A., VINITSKY, I., eds. *Madness and the Mad in Russian Culture*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 3–19.
- BUKOVSKY, V., 1977. Foreword. In: BLOCH, S., REDDAWAY, P. *Russia's political hospitals: the abuse of psychiatry in the Soviet Union*. London: Futura Publ., 13–15.
- BURRY, A., 2005. The Poet's Fatal Flaw: Venedikt Erofeev's Don Juan Subtext in Walpurgis Night, or the Steps of the Commander. *Slavic Review*, vol. 64, No. 1, 62–76.
- Dictionnaire 1798. *Dictionnaire de L'Académie Française revu, corrigé et augmenté par l'Académie elle-même*, Paris: J. J. Smits.
- GHIDONI, M., 2011. *Utopie ed eterotopie del corpo: le allucinazioni agli albori della psichiatria*. Tesi di dottorato in Filosofia, XXII ciclo, Verona.
- KOROLENKO, C. P., KENSIN, D., 2002. Reflections on the Past and Present State of Russian Psychiatry. *Anthropology & Medicine*, vol. 9, No. 1, 51–64.
- PICCOLO, L., 2012. Riscritture dello spazio urbano: l'appartamento in coabitazione (*kommunal'naja kvartira*). In: FIORENTINO, F., SOLIVETTI, C., cur. *Letteratura e geografia. Atlanti, modelli, letture*. Macerata: Quodlibet, 187–200.
- PIRETTO, G. P., 2001. *Il radioso avvenire. Mitologie culturali sovietiche*. Torino: Einaudi.
- RYČLOVÁ, I., 2001. *Bílý tanec: tragédie Valpuržina noc, aneb, Komtureovy kroky Venedikta Jerofejeva v kontextu ruské dramatiky postmoderního období*. Brno: Masarykova univerzita.
- SZASZ, Th. S., 1961. *The Myth of Mental Illness. Foundations of a Theory of Personal Conduct*. New York: Harper & Row.
- STITES, R., 1989. *Utopian Vision and Experimental Life in the Russia Revolution*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- WINDHOLZ, G., 1999. Soviet Psychiatrists under Stalinist Duress: the Design for a 'New Soviet Psychiatry' and its Demise. *History of Psychiatry*, vol. X, 329–347.